

Заметки об орфографии писцов Кирилло-Белозерского монастыря в XV в.

Несмотря на значительную литературу, вопрос о втором южнославянском влиянии на Руси продолжает привлекать внимание исследователей и вызывать разногласия. Одни продолжают видеть в новациях Киприана явление чисто внешнее, случайное и притом ограниченное главным образом правилами и нормами письма¹. Другие обращают внимание на то, что орфографические изменения были лишь частью церковно-реформаторской деятельности, имевшей определенный религиозно-философский и политический смысл, что исправление и переписывание книг было

¹ Ср.: Ефимов А. И. История русского литературного языка. М., 1971, с. 62.

обусловлено прежде всего переводом русской церкви со студийского устава, господствовавшего в Византии до конца XI в. и оттуда пришедшего к русским, на иерусалимский, упрочившийся в XIV в. во всем православном мире. «Конечно, — пишет в связи с этим Д. С. Лихачев, — элементы случайности в явлениях второго югославянского влияния были, их даже было немало, как и во всех случаях иноземных влияний, но не все они были определяющими. Почерк, орфография могли быть и не такими, если бы они развивались только на своей почве. Но самый характер орфографической реформы, как и самый характер нового литературного стиля, не были результатом одного только механического воздействия, они были связаны с общим умственным движением эпохи»². Этот вывод представляется глубоко верным.

Вместе с тем мнение о неслучайности киприановской реформы еще не означает ни ее положительной оценки, ни признания поворотной роли в развитии русского языка и письма. Если говорить об орфографии, то надо прежде всего отметить, что русское правописание к концу XIV — началу XV в. еще не успело преодолеть целого ряда традиционных элементов, так сказать, собственного происхождения. Дефонологизация [ъ] и [ь], совершившаяся в XII—XIII вв., еще не была завершением того длительного процесса перестройки вокализма, который известен как «падение редуцированных», тем более не могло завершиться в это время отражение данного процесса на письме. Зачастую ъ и ь продолжали писаться, обозначая фонематический нуль, утративший уже позиционную обусловленность, т. е. употреблялись в соответствии с традиционно-историческим принципом орфографии (даже при условии, если [ъ] и [ь] продолжали существовать как нефонологические гласные вставки). В других случаях за буквами ъ и ь стояли «прояснившиеся» [о] и [е], что с орфографической точки зрения опять-таки было данью традиции. То же относится и к некоторым особым ситуациям, когда звуки [ъ] и [ь] выступали как позиционно обусловленные реализации фонем <о> и <е>³. Процесс сокращения упо-

² Лихачев Д. Некоторые задачи изучения второго югославянского влияния в России. — В кн.: Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. М., 1960, с. 107.

³ См.: Колесов В. В. Позиционное смещение букв о, е — ъ, ь в древнерусских рукописях XII—XIII вв. — Исследования и материалы по русской и древнеславянской языковой истории, вып. 1. Горький, 1975.

требительности традиционных, потерявших фонематическое значение еров в орфографии XIV в. идет и набирает силу, обнаруживая при этом явную связь с типом морфем в слове (быстрее исчезают «нулевые» \bar{z} и \bar{b} в корневых морфемах), но все же идет он медленно и к моменту второго южнославянского влияния находится еще в самом разгаре. И вот в этот-то трудный, переходный момент, когда русское письмо отягощено отживающей, но еще не отжившей традицией, порожденной собственным прошлым, в него вводятся дополнительные традиционные написания, притом чуждого происхождения (традиционные не в смысле давности употребления, а в смысле неоправданности живыми фонемными чередованиями). Русские писцы вновь, как когда-то в X—XI вв., оказались перед проблемой выбора \bar{z} — ou — $ю$, возникла вообще новая для русского письма проблема *выбора z — s (до этого буква s на Руси употреблялась лишь в числовом значении \bar{b}), неясными для писцов оказались некоторые случаи употребления \bar{a} и \bar{b} по новым правилам, совершенно условным, обозначения рефлексов сочетаний * $\bar{t}zrt$, * $\bar{t}zrt$, * $\bar{t}lt$, * $\bar{t}lt$ в виде *пръвыи*, *дръжава* и под., нарушилась сложившаяся традиция употребления o — ω и u — i , конечно, условная, но замененная не менее условной южнославянской.

Разгаром второго южнославянского влияния в русской письменности по праву считается XV век. «Графические явления, введенные в русскую орфографию в конце XIV в., — пишет Н. А. Мещерский, — были характерны для всего XV и начала XVI столетия, но они исчезают впоследствии, особенно после широкого распространения книгопечатания»⁴.

Чрезвычайно знаменательно, однако, что не так уж много среди русских письменных памятников даже и XV столетия таких текстов, в которых перечисленные выше черты, традиционно связываемые с кириановской орфографией, представлены в полном комплекте. И наоборот, есть рукописи, где второе южнославяское влияние прослеживается довольно-таки слабо, причем среди них имеются памятники, созданные в крупных и авторитетных центрах средневековой русской книжности, каким был, например, Кирилло-Белозерский монастырь.

⁴ Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, с. 25.

Значительный интерес в этом плане представляет, по нашему мнению, орфографическая практика одного из интереснейших писателей XV в. монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина. Деятельность его как писателя и просветителя исследована наиболее полно Я. С. Лурье. Ефросин является, один или совместно с другими писцами, создателем ряда интересных рукописных книг, относящихся к 70—90-м годам XV в. и включающих помимо церковно-богослужебного материала апокрифы, естественнонаучные статьи, фрагменты античной литературы (редкость в древнерусской письменности), запрещенные молитвы типа заговоров, исторические и географические сочинения, библиографические сведения. Один из сборников Ефросина (ГПБ, Кир.-Бел. № 9/1086) содержит «Задонщину»⁵.

Почерк Ефросина — типичный полуустав XV в., текст регулярно членится точками (иногда запятыми и точками с запятой), также регулярно употребляются звательца, передки паерки, выносные буквы. Характерен вынос *ѡ*, обозначающей <д>, <д'> в предвокальной позиции: *здѣ*, *многажды* и мн. др. (Эта черта есть и в других рукописях XIV—XV вв., но не так ярко проявляется). Акцентов нет.

Употребление буквенных дублетов отражает второе южнославянское влияние, но не прямо, а в некотором преломлении. Так, в употреблении *о* — *ѡ* как бы переплелись древнейшая русская и киприановская нормы: *ѡ* (иногда *ѡ̇*) очное — в слове *ѡ̇чи*) кроме позиции после гласных и начала слов изредка встречаются и после согласных, чаще в окончаниях: *пепелѡм*, *идолѡм* и т. п. С другой стороны, *о* встречаем и в начале слов: *ѡлтарь* и др. В написании *во ѡпитѣмъи* (Кир.-Бел. № 9/1086, л. 8), может быть, можно видеть отголосок графической диссимиляции. Из начертаний *оу* — *ѡ* второе — редко, встречается обычно по недостатку места в конце строки; буква *ж* неупотребительна. Малоупотребительна буква *с*, однако довольно последовательно пишется в словах *кнзь* и *свѣрь*. Буква *ї* десятеричное обычно перед гласными и употребляется заметно регулярней, чем в памятниках XIV в. Что касается других дублетов, то *ѡ* и *ѡ̇* употребляются неупорядоченно: *марѡу* и *марѡу̇*, *їѡсиѡ̇* и

⁵ Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, 1961, т. XVII, с. 130—168.

русифа и др. То же касается ψ — nc : ψ лмвѣ (= псалмов) и апакалипси, пслми, пслмвѣ; ξ — kc : алеѡандрс (так в ркп.) и ексархъ (примеры из сб. Кир.-Бел. № 9/1086 и № 22/1099).

Рассмотрим подробнее написанные Ефросином фрагменты сборников ГПБ, Кир.-Бел. № 6/1083 (л. 5—10), Кир.-Бел. № 22/1099 (л. 40—46 об.) и № 9/1086 (л. 5—10 и 122—130 об.); этот последний фрагмент содержит «Задонщину» и примыкающие к ней по содержанию летописные отрывки)⁶.

В орфографии всех трех текстов τ и ψ довольно редки в корнях слов, но всех же употребляются, между прочим, для обозначения <о>, <е>: нечѣстїа и не|честїа (№ 22/1099, л. 42 об.), прѣльсть и прелесть (л. 43 об.), вѣтьцьскыа (л. 42 об.), нѣ (л. 43) и др. Несколько иначе обстоит дело в соседстве с плавными, где чувствуется южнославянское влияние, ср. трѣжьства (№ 22/1099, л. 42 об.), дрѣжава (л. 44), мѣва (л. 44) и др. — однако наряду с многочисленными русскими написаниями: повергъ (№ 22/1099, л. 44 об.), и ѡзвержетсѧ (л. 41), свершено (л. 40), свершати (№ 9/1086, л. 7 об.) и др. Рефлексы предъйотовых редуцированных часто передаются по-русски в виде ψ или e : в сб. № 6/1083 пѣаньство (л. 6), епитемьї (л. 10); в сб. № 22/1099 оученье (л. 40), по|сланеї (л. 41). Но и написания типа -ѣ, -ѣа передают, видимо, произношение без <i>, о чем свидетельствует слово ѡбїаденїе (№ 6/1083, л. 6 об.), где -бїа = <б'ja>, чтение с <i> безусловно исключено. Ср. в сб. № 9/1086 написание ѡбьаденїа (л. 5, 2 раза), в сб. № 22/1099 ѡбьадаасѧ, изьавиша (л. 43). Иначе говоря, написания вроде чародѣанїе передают не искусственно-книжное произношение с <i>е>, а являются неадекватно-фонемными традиционными, произносит же писец по-русски. В окончании род. п. местоименного склонения обычны -аго (-аго), русские написания редки, но дат. п. пишется по-русски.

В употреблении τ , ψ ефросиновские рукописи — заметный шаг к безъерovým написаниям в середине слов по сравнению с текстами XIV—первой половины XV в.

⁶ В сб. № 9/1086 имеется двойная нумерация: вверху и внизу листа. Фактическому счету листов соответствует нижняя. Однако на начальной стадии работы мы изучали этот сборник по микрофильму, где нижняя нумерация не была видна. Поэтому здесь и далее ссылки на листы этого сборника приводятся по верхней нумерации.

В сб. № 9/1086 на л. 5—10 написаний с *ъ* в предложениях на 46 случаев всего 5, безъерových написаний — 26 (ок. 57%). В сб. № 6/1083 на л. 5—10 из 18 предлогов — четыре с *ъ*, два с паерком, 10 безъерových написаний (ок. 56%). В более традиционном по орфографии сб. № 22/1099 на л. 40—46 об. на 80 предлогов 26 *ъ*, 1 паерок и 27 безъерových написаний (34,1%). Остальные случаи приходятся на выносные буквы, главным образом *т* в *ѡт*. Примеры из сб. № 22/1099: с *ъ*: въ едином (л. 40), въ. а. начало (л. 44), въ ѡставленіе (л. 44 об.), съ всѣми (л. 42 об.), къ боу (л. 44 об.); с паерком: в' град (л. 45 об.); с выносной: ѡт ѡнѣх же (л. 45), ѡт единою (л. 45 об.), ѡт ѡца (л. 46), под пепелом (л. 46 об.), пред цркъвю (л. 40 об.), пред людьми (л. 40 об.); безъеровые написания: в ветхом (л. 40 об.), к бци (л. 41 об.), в мори (л. 43 об.), к ногама (л. 44 об.). Вокализированные варианты обычно пишутся с *о*: в сб. № 6/1083 во вса (л. 5, 9 об.), во снѣ (л. 5 об., 7 об.), со всѣми (л. 9), ко ѡбѣднѣ (л. 9 об.) — 6 случаев на указанную часть текста; в сб. № 9/1086 во оумъ (л. 5 об.), со своею (л. 6), со единою (л. 6 об., 2 раза), со единымъ (л. 6 об.), со сно|хою (л. 7) — 6 случаев; в сб. № 22/1099 во в'сих (л. 40), во своих (л. 42), со ѡкимом (л. 45 об.) — 3 случая. У Ефросина становится почти нормой то, что в других текстах прослеживается как тенденция уже с XIV в.: *ъ* в конце предлога пишется перед титловыми словами (сокращениями и цифрами) и перед гласной буквой, но не пишется в других случаях. С наибольшей последовательностью это правило осуществляется в сб. № 9/1086, менее последовательно в сб. № 22/1099, где *ъ* нередок и перед экзотическими топонимами: въ моавитѣ, въ палестинѣ, въ финикии (л. 43). В какой-то мере написанию *ъ* способствует и соседство двух одинаковых букв — ср. написание съ сле|зами в ряду: с покаані|ёмъ с причастіем (сб. № 6/1083, л. 5).

Перед энклитиками в указанных фрагментах, как и вообще в русских текстах, согласные малочастотны, поэтому показательнее учесть их суммарно по всем трем отрывкам. В 14 случаях после согласных сохраняются *ъ*, *ь*, в 16 пишется выносная, в 13 налицо безъеровые написания (их, таким образом, 30%). Все глаголы с -са последовательно пишутся без *ъ*, *ь*, хотя согласная буква иногда выносится. Примеры энклитик из сб. № 22/1099: с *ъ*: верхъ же (л. 41), всакъ бо (л. 43), ѡсцають ма

(л. 43 об.); с выносной: ѡбрѣтают же (л. 40), соут же (л. 40); без ѣ: их же (л. 40 об.), повелѣніем бо (л. 42 об.), воеводствовав же (л. 44 об.).

Из приставок более или менее часто сохраняет ѣ лишь *въз-*, но и то очень непоследовательно, ср. написание восхваля с о в сб. № 9/1086 (л. 125) и др. В суффиксах еры устойчивей; их знают *-ъск-*: скотьскы (№ 9/1086, л. 5), мирьстїи (л. 5 об.), иночьскому (л. 8 об.), римском (№ 22/1099, л. 41 об.); *-ьств-*: йскоуьства (№ 9/1086, л. 5), лихоймьствоует (л. 9), на|сьство (№ 6/1083, л. 6), жительство (№ 22/1099, л. 46 об.), изредка и с ѣ: рѣзоймьство (№ 6/1083, л. 6), с паерком: мздойм'ство (№ 6/1083, л. 6), мниш'скаго (л. 7, 9); с выносной: криво|судство (№ 6/1083, л. 6), мчнчскихъ (№ 22/1099, л. 44), бѣдствоующїихъ (л. 43 об.); иногда встречаются еще и написания с ѣ перед с, но с паерком перед т: презорь'тво, лице|мѣрьс'тво, лѣкавьс'тво (№ 6/1083, л. 6 об.). Вместе с тем есть и безъеровые написания этих суффиксов: дѣтство (№ 22/1099, л. 41 об.), оучителство (л. 40). Реже, но встречается ѣ в суффиксе *-ьн-*: бѣжствьна (№ 22/1099, л. 43 об.), немокрьно (л. 43 об.), есть написания с выносной: сродница (л. 45 об.), сродникъ (л. 46), праздникы (л. 43), с паерком: йстин'на (№ 22/1099, л. 42), пов'сед'нев'ноє (№ 6/1083, л. 7 об.). Но много и безъеровых написаний: странны (№ 22/1099, л. 40), празникъ (л. 43), извѣстно (л. 45), спѣшнъ (л. 46 об.), неволном (№ 9/1086, л. 8), инопле|менником (№ 22/1099, л. 44 об.). В суффиксе *-ьб-* паерок: лѣч'бы (№ 22/1099, л. 43 об.), тат'ба (№ 6/1083, л. 7 об.). Безъеровые написания — в причастном суффиксе: прїимши (№ 9/1086, л. 5 об.), йспроши (№ 22/1099, л. 41 об.), разгноувшоу (л. 44), създавшого (л. 43 об., 2 раза), създавша (л. 43 об.). В случае оумерь|ша (№ 22/1099, л. 45) сказалось правило конца строки, которое Ефросин, в отличие от многих писцов XIV в. и подобно другим писцам XV в., выдерживает последовательно.

Из написаний ѣ в конце слов обращает на себя внимание слово *оубїиуъ* (№ 22/1099, л. 43 об.), с ѣ вместо традиционного ѣ.

Сплошная выборка еров сделана нами с л. 122—130 об. сб. № 9/1086 (текст «Задонщины» и примыкающие летописные отрывки).

Здесь уровень безъеровых написаний еще выше, чем в проанализированных фрагментах, религиозных по жанру.

Характер написания	В предлоге	В приставке	В корне	В суффиксе	В окончании и на конце слов
Написаны ъ, ь	2	3	0	8	161
Выносная буква	9	1	0	10	21
Опущены ъ, ь	32 (74,4%)	17 (80,9%)	37 (100%)	61 (77,2%)	3 (1,6%)

Примеры предлогов: въ красна (л. 123), ѿт него (л. 122 об.), под синіе (л. 123), пред зорею (л. 126); в києвъ (л. 122 об.), к быстроу (л. 126 об.), з дивными (л. 129 об.). Примеры приставок: възлелѣаны (л. 124 об.), възплескаша (л. 125 об.), сътвори (л. 130), ѿтоле (л. 122 об.), възди (л. 123), ѿтнимають (л. 124). Примеры корней: вотчиноу (л. 124), псоу (л. 124 об.), птица (л. 124 об.). Примеры суффиксов: києвьскыа (л. 122 об.), браньскаго (л. 124 об.) — только суффикс -ьск- с ь; чюдно (л. 123 об.), роусскимь (л. 124), роусскимь (л. 122 об.), старца (л. 122), ставше (л. 123), силна (л. 125), легкіе (л. 127). Примеры окончаний и концов слова: костьюми, кровьми (л. 127); звонаѿ (л. 123 об.), нас (л. 124), роус (= Русь, л. 129); пашоутса (л. 123 об.).

Рефлексы предъитовых редуцированных в этом тексте часто переданы в соответствии с русским произношением: третей (л. 129), моужей (л. 128 об.), дмитрею (л. 123) — 10 таких написаний при 11 с *и*; молньи (л. 125 об.), бра|тъца (л. 124), крѣпостью (л. 123) — 9 таких написаний при 27 с *и*. Обращают на себя внимание случаи *василѣе*, *дмитрѣе* (л. 130, 130 об.) в им п.

Таков характер употребления ъ и ь в рукописях Ефросина.

Из других особенностей его правописания должны быть отмечены довольно многочисленные написания *ни* в причастиях. В сб. № 9/1086 видим: ѿкааннаѿ, растлѣ|нна (л. 5 об.), в сб. № 22/1099 несъздан'наго (л. 44), ѿброченнаѿ (л. 45 об., неоднократно), ѿбѣто|ванноюу (л. 44 об.), хотя тут же: списанаѿ (л. 40 об.), разрешеныѿ (л. 43 об.). Такие написания встречаются иногда и в XIV в., а в XV в. постепенно входят в моду. Трудно сказать, стоит ли за ними простая графическая аналогия со словами типа *длинный*, получившими [н] после падения редуцированных, или эта аналогия имела место также и в языке.

Первое кажется более вероятным, так как ни этимология страдательных причастий, ни их современное произношение, вопреки орфографии сохраняющее обычное [н], не дают оснований видеть здесь явление языка. При всем том надо заметить, что *ни* никем в эти формы специально не вводилось, а проникло в орфографию исподволь.

Во всех других отношениях орфография Ефросина повторяет без какого-либо заметного развития те черты, которые есть в более ранних памятниках. Здесь и колебания *празноуют* — *праздноуют* (№ 22/1099, л. 43, 44) при последовательности написаний *стн* в *постника* (№ 9/1086, л. 6), *честнѣ* (№ 22/1099, л. 44 об.); и наличие традиционных написаний: *безакон'на* (№ 22/1099, л. 42 об.), *раженѣ* (= *разожжение*, № 6/1083, л. 5 об.) рядом с фонетическими: *рассоудѣть* (№ 9/1086, л. 6 об.), морфологическими: *з дивными* (№ 9/1086, л. 129 об.) и компромиссными *бесчаденъ* (№ 22/1099, л. 45), *ѡбесче|стат* (л. 40 об.); и колебания между *здр* и *зр*: *ѣздры* (название ветхозаветной Книги Эзры, № 22/1099, л. 41), но: *разрешеных* (л. 43 об.). Непоследовательно и отражение позиционного перехода <и> в <ы>: *ѡбыскаша* (№ 22/1099, л. 42), *взыде* (л. 45, 46), но: *ѡт Юдеи* (л. 43), *ѡт иных* (№ 9/1086,) но, может быть, здесь можно усмотреть тенденцию, закрепившуюся потом в норме: после приставок писать начало корня фонетически, а после предлогов морфологически. Ср. аналогичное колебание и в формах *волцы* — *волци* (№ 9/1086, л. 125). В передаче позиционно изменившихся согласных при отдельных отклонениях вроде с *зборных* (№ 22/1099, л. 41), *з дивными* (№ 9/1086, л. 129 об.) — господство морфологического принципа. Из позиционных изменений безударных гласных в говоре писца можно предполагать лишь *еканье*, ср. написания *ѣстребоу*, *ѣстреби* (№ 9/1086, л. 124, 126), написания же *наоугородци*, *жаваранокъ* (л. 123 об.), как и *на рицѣ* (= на реке, там же) связаны, несомненно, с южнорусским оригиналом «Задонщины». Нет оснований относить к *иканью* и написание *ѣритици* (№ 22/1099, л. 40 об.). В употреблении *ѣ* допускаются лишь единичные ошибки, напр. *боуре* вм. *боурѣ* в сб. № 22/1099 (л. 44).

Представление об уровне разных орфографических принципов в писцовой практике Ефросина может дать следующий подсчет (на материале сплошной выборки с л. 5—9 об. сб. 9/1086): фонемы, обозначенные по морфологическому принципу, составляют примерно 70%, по тра-

диционному — 25, по символическому (или «идеографическому» — в сокращениях под титлом) — 4, по фонетическому — 1%. При этом надо иметь в виду, что в некоторых случаях, когда выбор буквы определяется морфологическим принципом, выбор ее начертания (строчного, прописного или выносного) может определяться принципами символическим или традиционным. Подобные орфограммы «двойного подчинения» составляют 5—6% от числа морфологических написаний, так что на «чисто» морфологический принцип приходится около двух третей объема текста.

Таким образом, орфография Ефросина, находясь в общем русле развития русского правописания XV в., представляет, однако, некоторые тенденции (например, в части употребления *ъ* после предлогов) ярче других памятников.

Сопоставим с ефросиновской орфографию одного из его товарищей по созданию книг — 1-го писца сборника ГПБ, Кир.-Бел. № 11/1086 (в написании которого участвовал и Ефросин)⁷. Остановимся лишь на чертах, отличных от письма Ефросина.

Писец почему-то акцентует формы слова *наш*: *нашими*, *нашего* (л. 3 об., 5, 5 об. и др.), хотя вообще текст не акцентован; знак «тяжкого ударения» над конечными гласными выступает скорее в роли графического варианта звательца. Над односложными словами — *кендема*: *нд*, *тд*, *чтд*. По-древнерусски, т. е. в начале слов и после гласных, пишется *ѡ*. Значительно меньше безъеровых написаний. По данным сплошной выборки предлогов с л. 1—7, на 61 случай — 12 еров: *въ блгочестїи* (л. 4), *къ стомоу* (л. 5), *съ м'ногюю* (л. 6), *чресъ божественнаа* (л. 7) и др.; 11 паерков: *в' наше* (л. 7), *с' прошенїем* (л. 5), *к' бжественномуу* (л. 5); 22 выносных, обычно в *ѡт*: *ѡт рима* (л. 3 об.) и др., но также *пред нил* (л. 6), *под собою* (л. 4); 16 написаний без *ъ* (26%): *к вамъ* (л. 4 об., 5), *с нимъ* (л. 5), *в малъ* (л. 5 об.) и др.

Круг приставок и суффиксов, сохраняющих зачастую *ъ*, *ь*, в основном тот же, что у Ефросина, однако причастный суффикс пишется с паерком: *поставив'ше* (л. 5 об.), *почив'шаго* (л. 4, 4 об.). Вообще этот писец очень часто ставит паерки. Так, паерок, а подчас и *ъ*, *ь*, пишутся после

⁷ Я. С. Лурье (см. *Лурье Я. С.* Указ. соч.) считает, что этот сборник писан Ефросином, кроме л. 7—18 и 389. Но на л. 7 почерк тот же, что на л. 1—6 об., отличный от ефросиновского.

букв, обозначающих сонорные, и после *в*: коньста^нд^нтъина (л. 1 об.), ко^нста^нтъинъ (л. 3), на|став'ла^дѣми (л. 4 об.), прав'ноуци (л. 3 об.), в'ремене (л. 3 об., 2 раза), в'се (л. 3 об., 4), в'ремене (л. 4 об.), в'сею (л. 2 об.). Паерок иногда встречается и в других стечениях согласных: т'ма (=тъма, л. 3). Эта привычка ставить паерки при стечениях согласных безотносительно к этимологическим <ъ> и <ь> в XV—XVII вв. входит в обычай у многих писцов.

В остальном орфография этого писца совпадает с орфографией Ефросина.

Таким образом, несмотря на несколько большую приверженность к древнерусской традиции, этот писец в некоторых моментах (употребление *ω*) еще менее Ефросина привержен к традиции южнославянской. В то же время у обоих писцов (активнее у Ефросина) продолжают те орфографические процессы, которые начались в русском письме задолго до второго южнославянского влияния, в первую очередь прогресс безъеровых написаний, и именно эти особенности делают орфографию кирилло-белозерских писцов предвестием нового этапа, в который вступило русское правописание в XVI—XVII вв. Наши наблюдения, конечно, недостаточны для того, чтобы с уверенностью говорить об особой роли писцов Кирилло-Белозерского монастыря в преодолении наиболее искусственных элементов киприановской орфографии и формировании русской орфографии позднего средневековья, но некоторые основания для такого предположения эти заметки, по-видимому, могут дать ⁸.